

КАНОНИЗИРОВАЛ

С сыном Александром.

— Вы были во многих горячих точках: Приднестровье, Чечня, даже фильмы про чеченскую войну снимали. А на Украину нет желания поехать добровольцем?

— Ни малейшего. А зачем? Во-первых, мне все понятно. А во-вторых, есть определенного рода ограничения, которые на меня наложены очень ловко и очень искусно. И потом: то, что происходило в Карабахе, Чечне, Югославии, Приднестровье, меня лично чрезвычайно интересовало. Все, что происходит сейчас на Украине, — для меня фактультативно, как и все, что связано с политикой.

— И в политику возвращаться не собираетесь — как ушли из Госдумы, так все — аполитичный человек?

— В Госдуме я тоже не занимался политикой — я исследовал ее механизм, мне было интересно понять, что это такое, а потом выяснилось, что там две шестеренки, три колесика, один анкер. Госдума по устройству не сложней будильника — заводишь, и он звенит определенным законом, на который его завели. Всё. Просто, как килограмм моркови. Плюс там не пахло серьезной корыстью...

— Ах да, совсем забыла — вы же корыстный человек... А вот заниматься лошадьми — какая вам в том корысть? Или это любовь?

— Да там и любви никакой нет. Просто занятие лошадьми вывело меня на новые орбиты и новые интересы, дало существенные знания во многих вопросах.

— Помните, вы как-то рассказывали, что у вас есть лошадь, которую вы чуть ли не научили считать...

— Я говорил, считать — настолько примитивный процесс, что этому можно научить любое млекопитающее. И это не мое мнение — это идея еще начала XX века, под-

держанная всеми блистательными учеными того времени. Этот эксперимент был удачно поставлен в свое время, а я решил его повторить, желая проверить, действительно ли такое возможно, но никакой новации и никакой моей заслуги в этом нет.

— Значит, и ваше вегетарианство не из любви к животным?

— Нет, конечно. И кстати, я никому из близких его не навязываю. Это одна из привычек, как курение, то есть дело вкуса.

— Своего сына от третьего брака вы тоже назвали Александром. И знаю, что советуете другим родителям проявлять честность в отношениях с собственными детьми. «Запасных детей у вас нет! Всегда говорите им правду, в том числе и самую жесткую, в том числе и о подлинной природе отношений человека с миром вокруг» — это ваша цитата. А вы-то сами всегда следуете этим правилам?

— Нет, конечно.

— А других учите!

— Ну, мало ли что я говорю. Ребенок должен получить по возможности абсолютное представление о естественных науках, получить абсолютную независимость от каких-либо патриотизмов, разговоров о самопожертвовании, долге — он должен быть совершенно свободен. И если какая-то страна хочет быть его родиной, значит, она должна доказать свою способность быть удобной и нужной для него, а не наоборот.

— А вам родители говорили жесткую правду?

— А мне повезло — я вообще рос как трава, и меня никто никогда не пытался воспитывать. Дед? Думаете, он тратил время на беседы со мной о каких-либо физических законах? Да ни фига.

— Ну как же — вы сами как-то признавались, что дед для вас очень многое сде-

лал: спасал вас от армии, от комсомола, он ведь работал в органах...

— От армии я бы и сам спасся — когда вас ведут на мясо, надо спасаться любыми способами. А в комсомол меня и не брали, потому что я был большим хулиганом. Но вообще одно дело спасать, пользуясь своими возможностями, а другое дело — воспитывать.

— А кстати, сами кого-то спасали? Без всякой корысти, то есть бесплатно?

— Да, мне иногда приходится идти против собственных принципов, и это всегда очень противно. И всегда я чувствую себя немножко негодяем, когда делаю что-то вопреки собственным представлениям. Но делаю же!

— Еще один момент хотела прояснить. Я живу на улице Невзоровой — подружки Крупской — и, когда называю свой адрес, часто слышу: «А что, у нас уже есть улица в честь Невзорова?» Случайно, не ваша родственница — революционерка, агент «Искры», неоднократно выполнявшая партийные задания Ленина?

— Да, я слышал о сестрах Невзоровых. Но я-то вообще человек без рода без племени и не знаю, имеют ли эти тетеньки ко мне какое-либо отношение. Для меня родство не имеет никакого значения. Я человек без национальности.

— И, как я поняла, без родины...

— Ну да! А о национальности я все понял, когда на недавнем Всемирном русском народном собрании, где собрались попы и министры, мне объяснили, что я русским считаться никак не могу, потому что я неверующий, непьющий и на балалайке играть не умею. Какой же я русский без этого? А в евреи меня не берут — сказали, что не могут принять человека, от которого неизвестно что ожидать завтра. И в звенки меня не взя-

ли. И если у меня возникнет жгучее желание иметь какую-либо национальность, то единственно, кто может меня принять (со времен моих съемок в Америке), — это индейцы-команчи. Так что если когда-нибудь мне придется писать свою национальность, думаю, это будет команчи.

— То есть вы практически отказываетесь от своих родителей... А если ваш сын, Александр Александрович, когда-нибудь заявит: у меня нет родины, у меня нет национальности, буду беспринципным — переживете?

— Это будет его свободный выбор. Я ему не буду мешать ни в чем: пусть хоть попом будет — работа не сложная.

— К слову, о работе. Ваши «600 секунд» были самой рейтинговой передачей — она даже внесена в Книгу рекордов Гиннесса. Мне как-то рассказывали о работе в «Секундах»: там мало было одного таланта — ради получения информации нужно уметь преступать черту. Например, переспать с голубыми или, как вы, например, в сюжете о злоупотреблениях на мясокомбинате, проползти туда под шкурой убитой коровы...

— Да не надо было спать с голубыми! Был скандал, когда оператор отказался глаза красить, потому что мне его надо было засунуть на какой-то пароход с пед..., ой, с геями, он отказался, и мне пришлось его «репрессировать».

— Кстати, на ваш взгляд, что нужно журналисту? Что главное в профессии?

— Беспринципность, жестокость и корыстолюбие. И отсутствие всяких глупостей по поводу общественного блага.

Беседовала Людмила КЛУШИНА
Фото предоставлено Александром Невзоровым